

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата философских наук Хориэ Хироюки
на тему: «Понятие личности в философии С.Н. Булгакова в ранний
период с 1900 по 1912 год»
по специальности 5.7.2. История философии**

Диссертация Х. Хироюки «Понятие личности в философии С.Н. Булгакова в ранний период с 1900 по 1912 год» представляет собой глубокое и основательно фундированное исследование. В качестве хронологических рамок выделен период формирования религиозно-идеалистической философии Булгакова — эпоха сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи», время, которое сам мыслитель назвал путем «от марксизма к идеализму». Верхней хронологической границей избран фундаментальный труд «Философия хозяйства» (1912), прокладывающий дорогу к следующей крупнейшей работе Булгакова «Свет Невечерний» (1916), которая в определенном смысле завершает философский период творчества мыслителя и открывает богословский. Таким образом, годы с 1900 по 1912 Х. Хироюки обозначает как «ранний период» в творческой биографии С.Н. Булгакова. И это в свою очередь обуславливает научную новизну диссертации: насколько мне известно, впервые предпринимается попытка тематизировать и исследовать столь детализированно и на столь обширном материале понятие личности не в поздних богословских работах мыслителя, а именно в ранних.

С этим же связана, как представляется, и актуальность исследования. Ранний, пост-марксистский и идеалистический период в творчестве Булгакова — время активной рефлексии над социально-экономическими и политическими вопросами. Подходы и выводы Булгакова об отношениях личности и социума, ценности индивидуального и ценности коллективного, задач и целей хозяйствования, этической нагруженности экономической деятельности — всё это не только представляет научную историко-философскую значимость, но может иметь и прикладное значение для формирования актуальной философии хозяйства в XXI веке.

В то же время диссертация построена как строгое историко-философское исследование. Задавая рамки персонологии в русской мысли, автор выделяет два способа понимания «личности»: социологизирующее, восходящее к революционному народничеству XIX века, и богословское, олицетворенное, в частности, работами В.Н. Лосского. Первая глава диссертации посвящена представлениям Булгакова о личности до времени работы над «Философией хозяйства»: выстраивается континуум текстов, из которых последовательно реконструируется персонология Булгакова. Вторая глава посвящена представлениям о личности в «Философии хозяйства» и статьях, хронологически совпадающих с временем работы над книгой (1910–1912 гг.). Показана преемственность идей от сборников «От марксизма к идеализму» и «Два града» — к проблематике «Философии хозяйства».

На этом фоне достоинством (и важным штрихом к научной новизне) диссертации представляется то, что в указанных текстах персонология Булгакова не явлена эксплицитно, учение о личности, скорее, нетематизировано (в отличие от, например, того же В.Н. Лосского, автора статьи «Богословское понятие человеческой личности»), и представление о личности у Булгакова необходимо именно реконструировать, «извлекать» из подчас разрозненных замечаний, и это работа скрупулезно проделана диссертантом. Своей кульминации она достигает, с моей точки зрения, в разделе 2.2.2 «Характер человеческой личности как самополагающего субъекта», где автор выделяет пять «слоев» или, я бы сказал, концентрических кругов, сквозь которые последовательно раскрывается персоналистические представления Булгакова.

Рассматривая работы Булгакова — философа, ориентированного на православно-христианскую ортодоксию, — автор диссертации неизбежно касается смежных с историей философии научных областей, обращается к истории богословия, догматики и аскетики, однако четко выдерживает жанр историко-философского исследования, предлагая богословский контекст

именно в ту меру, в какой того требует анализа теоретических построений Булгакова.

В качестве сильной стороны диссертации хотелось бы так же отметить то, что она не представляет собой последовательной солидаризации с построениями Булгакова. В отдельных эпизодах автор не избегает обоснованной критики, указывая на непроясненность некоторых ходов мысли русского философа, на иногда встречающуюся несогласованность одних замечаний с другими. Это дает возможность увидеть за текстами Булгакова живого человека с живой мыслью — публициста, который ищет способы выражения перед читателем своего мировоззрения, а не предлагает энциклопедически залакированную систему философского «догматизма». В то же время сохранение дистанции между автором диссертации и его героем не нарушает общего почтительного тона, столь важного для хорошего историко-философского исследования.

Положения, выносимые на защиту, соответствуют содержанию диссертации и не вызывают возражений.

Детализированность анализа и обоснованность выводов, полученных автором, не дает повода говорить о «недостатках» диссертации. Можно лишь обратить внимание на отдельные моменты, где возможны уточнения.

Как отмечалось выше, в качестве историко-философской рамки исследования автор указывает два типа персонализма в истории русской мысли: социологизирующий и богословский. Такая типологизация возможна и, вероятно, продиктована самим характером личности Булгакова — профессора политической экономии, с одной стороны, и православного богослова, с другой. Однако за рамками такой типологии остается еще один тип персонализма, традиционно выделяемый в истории русской философии, — восходящий к Лейбницу метафизический или монадологический персонализм. Его основная черта — представление о субстанциальном характере персоны-монады, «метафизическая устойчивость» (Зеньковский) личности, представлении о человеческом глубинном «я» как носителе всех

психических и духовных свойств. В.В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» называет это направление мысли «неолейбницианством», а Н.О. Лосский в своей «Истории русской философии» — прямо «персонализмом». Как известно, в узком смысле такой «монадологический» персонализм, явленный в трудах Л.М. Лопатина, А.А. Козлова, того же Зеньковского и др., отличается от «экзистенциального» персонализма Н.А. Бердяева и уже упомянутого В.Н. Лосского. Однако в широком смысле метафизически понятый персонализм предстает общей рамкой для всякой персонологии вообще — и тогда под его сенью оказывается большее количество авторов, в том числе и С.Н. Булгаков. Такой угол зрения избран С.М. Половинкиным в его 1200-страничном труде «Русский персонализм», на который ссылается диссертант. С моей точки зрения, указать в диссертации на такое «метафизическое» понимание персонализма наряду с социологизирующим и богословским было бы желательно не просто ради обогащения историко-философского контекста, но именно ввиду того, к какой проблематике сам автор исследования обращается в пункте (5) параграфа 2.2.2: анализируя роль «самости» в становлении личности, диссертант указывает, что «самость», по Булгакову, «тяготеет к своего рода субстанциированию», «становится как бы самостоятельным началом, почти уподобляемым некоей самостоятельной субстанции» (с. 250). Если бы в вводной части диссертации был заявлен «метафизический» тип персонализма с его акцентом на субстанциональности личности, то эти построения параграфа 2.2.2 встали бы на еще более твердую историко-философскую и методологическую почву. Эти построения, конечно же, фундированы диссертантом через отнесение рассуждений Булгакова к Фихте и Шеллингу, что неоспоримо, однако при указанных уточнениях мы могли бы увидеть С.Н. Булгакова как автора, отнесенного и к более широкой традиции русского персонализма, что, как я полагаю, только украсило бы диссертацию.

Отмечу еще один момент, требующий уточнения. В пункте (2) параграфа 2.2.1 диссертант касается трудного вопроса об отношениях Бога и мира в софиологии Булгакова и отмечает: «В “Философии хозяйства” Булгаков не объявляет Софию как сущность Бога, поэтому строго говоря, модели “Философии хозяйства” чужда идея единственности мира и Бога как таковая. Однако, признаемся, что даже в этом случае данная модель не полностью свободна от опасности упомянутого поглощения мира Богом, если эта сущность мира рассматривается у него как нетварная сущность. Хотя трудно сказать, что Булгаков однозначно и подчеркнуто в “Философии хозяйства” объявляет нетварность этой мировой сущности, такие ее определения мира идей как “мысль божья” или ее описания как “<...> была пред Богом при сотворении мира” до определенной степени приближает онтологическую модель “Философии хозяйства” к подобному фактическому поглощению мира Богом» (с. 177–178). В ответ на такие опасения автора диссертации можно было бы вспомнить об оценке В.В. Зеньковским этого момента в поздней софиологии Булгакова. Зеньковский, как известно, категорически отрицал любое философское учение, устраняющее непреходимую онтологическую грань между Богом и миром, и потому учил о такой же онтологической границе между Софией божественной и софией тварной. Однако он же в 1937 году, в разгар спора о Софии, высказывается о софиологии Булгакова подчеркнуто мягко: «Если войти в анализ доктрины о С.Б. по существу, то совершенно ясно, что учение о существенном единстве Софии Божественной и тварной вовсе не устраняет их столь же существенного различия»¹. Подчеркнем, что это оценка именно зрелой софиологии Булгакова 1930-х годов. Однако не обстоит ли дело так, что эта же фундаментальная интуиция о принципиальной отделенности Бога от мира и, следовательно, о не-поглощении мира Богом явлена уже и в «Философии хозяйства»?

¹ Зеньковский В.В. Доклад, представленный в Комиссию «по делу о сочинениях протоиерея С. Булгакова» // Записки русской академической группы в США. Т. XXXIX. С. 345.

Существенным мотивом диссертации является стремление автора показать, что темы «поздней», богословской мысли С.Н. Булгакова берут начало в раннем, рассмотренном в диссертации периоде. Автор справедливо совершает регулярные экскурсы к «будущим» крупным работам Булгакова — «Философия имени», «Трагедия философии», а также анализирует представление о личности в «Свете Невечернем» (этот анализ, набранный петитом, помещен в пространным примечании-сноске, хотя, с моей точки зрения, вполне мог бы занять достойное место в основном тексте диссертации). В параграфе 2.1.1 автор пишет о предмете анализа «Философии хозяйства»: «Таким непосредственным предметом рассуждений в этой книге является, скажем, идеальная сущность или, если можно так сказать, архетип хозяйства, лежащий где-то за пределами знакомой нам человеческой экономики как явления этой сущности. Она, соответственно, могла бы иметь свое иное, более подходящее проявление, чем то, что мы наблюдаем в современной экономике как таковой. Следовательно, изначально “Философия хозяйства” написана не как произведение, призванное ответить на только что указанные нами “эмпирические” задачи непосредственно. Тогда встает следующий вопрос: где искать эту “сущность”? По сути, “архетип” этот ищется Булгаковым в его характерной концепции единой совокупности обрабатывающих деятельностей человечества, которую, если рассматривать ее в современном понимании, скорее, следует отнести к понятию *культуры* в широком смысле» (с. 118). С моей точки зрения, здесь читатель поздних текстов Булгакова вправе ожидать отсылки к еще одному будущему тексту русского философа — к «Догматическому обоснованию культуры» (1930). При такой отсылке, к возможности которой побуждает сам текст диссертации, картина преемственности «поздних» богословских построений Булгакова от философии его «раннего» периода могла бы обогатиться еще одной гранью.

Таковы возможные уточнения, путь к которым открывает, повторимся, высокая степень детализированности диссертационного исследования.

Однако, как видно, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Хоризэ Хироюки безусловно заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

кандидат философских наук,
шеф-редактор, автор и ведущий программ АНО Информационный центр радиовещания, искусства и культуры «Вера, надежда, любовь»

МАЦАН Константин Михайлович

Контактные данные:

тел.: 7(495)7819761, e-mail: k.matsan@radiovera.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

5.7.2 – История философии

23.09.2024 г.

Адрес места работы:

107552, г. Москва, ул. Б. Черкизовская, д. 17/2.

АНО Информационный центр радиовещания, искусства и культуры «Вера, Надежда, Любовь»

Тел.: 7(495)7819761; e-mail: info@radiovera.ru

Подпись сотрудника удостоверяю:

Заместитель директора
И.П. Руденко